

Кошкин Н. С.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ГЕНОЦИДА

Koshkin N. S.

ON THE ISSUE OF CRIMINALIZATION OF GENOCIDE

В статье рассматривается процесс криминализации одного из самых опасных преступлений в истории человечества – геноцида. В качестве критерия криминализации автором используется общепринятый в уголовном праве критерий – общественная опасность. По итогам исследования делается вывод о том, что криминализация геноцида была научно обоснованной и необходимой.

Ключевые слова: геноцид, криминализация, криминализация геноцида, преступление геноцида, преступления против человечества, конвенция ООН.

This article discusses the process of criminalization of the most serious crimes in the history of humanity – genocide. The author uses the criterion of public danger since this criterion is the universally accepted in criminal law. The study concludes that the criminalization of genocide was scientifically based and necessary.

Keywords: genocide, criminalization, criminalization of genocide, crime of genocide, crimes against humanity, UN Convention.

В недавнем прошлом в Организации Объединенных Наций (далее по тексту – ООН) проходили торжественные мероприятия, приуроченные к юбилею принятия Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 09 декабря 1948 года (далее по тексту – Конвенция ООН 1948 года) и криминализации геноцида. С момента ее принятия было криминализировано одно из страшнейших деяний, которое было известно человечеству. Актуальность и важность данного международного нормативного правового акта, как и сама криминализация геноцида, безусловна, т.к. сегодня в разных уголках мира деяния имеющие признаки геноцида все чаще находят свое проявление [28]. Более того в ученых кругах, в среде практических работников не утихают споры, касательно того, что же считать геноцидом?, какие признаки содержатся в этом составе преступления?, отвечает ли Конвенция ООН 1948 года современным реалиям? и т.д. [29] Для того, чтобы ответить на эти и другие вопросы, важно обратиться к вопросу криминализации геноцида, понять каким образом происходил данный процесс, все ли было с точки зрения науки обоснованно, необходимо, точно, правильно.

Здесь сразу следует сказать, что криминализация данного деяния не была вызвана одномоментно. Человечеству при-

шлось пройти через тысячелетия, прежде чем геноцид стал уголовно-наказуемым деянием в полном смысле этого слова. И у нас возникает вопрос, что необходимо, чтобы признать деяние преступлением? Ответ будет простым – необходимо деяние криминализировать. Академик В.Н. Кудрявцев писал, что криминализация – это процесс, началом которого является признание властью деяния общественно опасным, а результатом формирование и внесение признаков состава преступления в уголовный закон [1]. Данную позицию разделяют и другие ученые [2].

Исходя из этого возникает вопрос – что необходимо для криминализации деяния? Безусловно, т.к. криминализация по справедливому замечанию академика В.Н. Кудрявцева является способом уголовной политики [1], необходима политическая воля и ее выражение вовне [3,4]. Но все-таки, помимо воли и волеизъявления, необходима та главная существенная черта, которая сделает эту криминализацию необходимой – основание. М.Э. Авдалян, убеждение которой мы разделяем указывает, что основанием криминализации является «совокупность причин криминализации, в концентрированном виде выражающих сущность криминализируемого поведенческого акта и делающих необходимым законодательное установление уголовно-правового запрета» [5].

Здесь следует заметить, что в уголовно-правовой доктрине нет единообразного подхода ни к термину (некоторые учёные используют термины – основания уголовно-правового запрета, основания уголовно-правовой нормы, социальные основания норм уголовного права [6] и др.), ни к основаниям криминализации. Ученые выделяют различные основания, причем как во множественном, так и в единственном числе [1, 7]. Все-таки, согласимся, с убеждением П.С. Тоболкина, который писал, что не существует других оснований криминализации, кроме общественной опасности деяния [8]. Аналогично считает и М.Э. Авдалян, которая указывает, что «основание криминализации может быть только одно, и им выступает общественная опасность конкретного поведенческого акта» [5], т.к. «различные причины криминализации сами по себе, взятые в отдельности, не способны обусловить ее, поскольку, например, ни новые виды поведения, ни обязательства государства на международной арене не вызывают с неизбежностью установления уголовно-правового запрета. Основание, представляя собой совокупность всех реально существующих причин, концентрируя сущность явления, ставшего потенциальным предметом криминализации» [5].

Как мы указывали выше, криминализация это длящийся во времени процесс, который происходит не одномоментно. Более того, одних уголовно-правовых знаний для признания криминализации необходимой просто недостаточно. Здесь необходимо также обращаться к другим наукам, в частности к криминологии [9]. Профессор А.Э. Жалинский указывал, что надлежит отталкиваться от следующего набора требований, которые в своей совокупности достаточны для признания поведения, подлежащего уголовному запрету именно общественно опасным:

«1) причинение и возможность причинения деянием не поддающегося полному возмещению существенного вреда конституционным ценностям, то есть правовым благам, имеющим конституционный ранг;

2) распространение негативных последствий совершаемых деяний на общество в целом и большинство отдельных членов общества;

3) явная социально-психологическая и иная непереносимость обществом запрещенных деяний, причиняемого вреда или его опасности, отраженная в достигнутом политическом или ином консенсусе о необходимости уголовного наказания;

4) доказанная непригодность иных правовых запретов для устранения возникшей опасности, возмещения причиненного и предупреждения потенциального вреда;

5) субъектно-субъективное противопоставление деяния существующим социальным запретам при наличии иного выбора» [10].

Для того, чтобы увидеть процесс осознания человечеством общественной опасности геноцида и последующий за ним процесс криминализации деяния, необходимо проанализировать с историко-правовой точки зрения, накопленный человечеством опыт. Ведь найдя сам факт существования в человеческом обществе поведенческого акта, способного причинить вред охраняемым ценностям позволит нам определить начальный этап на пути констатации тех его свойств, которые позже приведут к криминализации геноцида. Более того, необходимо такой анализ «на основе» вышеуказанного набора требований, которые в своей совокупности достаточны для признания поведения, подлежащего уголовному запрету именно общественно опасным.

1. Причинение и возможность причинения деянием не поддающегося полному возмещению существенного вреда конституционным ценностям, то есть правовым благам, имеющим конституционный ранг.

Именно с точки зрения критерия общественной опасности возможность соблюдения обозначенного требования криминализации деяния, появилась с момента принятия первого нормативного документа (имеющего конституционное значение) – французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года [11] (далее по тексту – Декларация 1789 года), не смотря на тот факт, что в истории человечества и до этого события было множество фактов причинения и возможности причинения деяниями, имеющим признаки геноцида, не поддающегося полному возмещению существенно вреда общественным ценностям, которые до принятия Декларации 1789 года не имели конституционного статуса. При этом следует отметить, что множество фактов причинения и возможности причинения деяниями, имеющим признаки геноцида, не поддающегося полному возмещению существенно вреда конституционным ценностям, происходили и после принятия Декларации 1789 года (и других подобных документов). Более того, в Декларации 1789 года провозглашалось одно ключевое положение – обе-

спечение естественных и неотъемлемых прав человека и нации, среди которых важное место занимает безопасность [12].

Факт того, что деяния, имеющие признаки геноцида, до криминализации геноцида, причиняли не поддающийся полному возмещению существенный вред конституционным ценностям, в доктрине не оспаривается и подтверждается многими учеными [13–16].

2. Распространение негативных последствий совершаемых деяний на общество в целом и большинство отдельных членов общества.

Выполнение данного требования мы можем увидеть из самых разных исторических событий, в том числе описанных в религиозных источниках. Однако в силу того, что процесс осознания вопросов безопасности человечества, его отдельных групп, объединенных родовыми признаками, вышел на качественно новый уровень именно после страшных событий, произошедших на европейском континенте в XX веке, необходимо обратиться к анализу этих событий и их последствий.

Первыми такими событиями, стали действия, направленные на физическое уничтожение, насильственное переселение лиц в условиях, способствующих физическому уничтожению людей, проводимых на территории Османской империи в 1884 году, а также в период с 1915 по 1918 годы, со стороны правительства Османской Порты в отношении некоторых «подданных империи» – армян, ассирийцев, греков. По данным исследователей данной проблематики, в указанный период, «правительственными силами» были уничтожены от 1,5 до 2 миллионов армян [13]13. За время Первой мировой войны на территории Османской империи было уничтожено от 500 до 750 тысяч ассирийских подданных империи, а также от 600 тысяч до 1 миллиона греческого населения империи [17–18]. Последствия этой трагедии ощущаются армянами, греками и ассирийцами даже сегодня [19].

Вторыми событиями стали действия, проводимые национал-социалистическим правительством Германии в период с 1930 по 1945 год. При подготовке к «тотальной» войне Германским правительством, в рамках реализации нацистской расовой политики, были разработаны планы по этническим чисткам, в которых мы можем увидеть признаки геноцида, которые планировалось проводить как на территории Германии, так и на оккупированных территориях Третьего рейха в от-

ношении еврейского, славянского, цыганского и др. народов [20]. В ходе подготовки и проведения Второй мировой и Великой Отечественной войн Гитлеровским правительством некоторые из этих планов полностью или частично были успешно реализованы, что повлекло за собой непоправимые жертвы, как со стороны представителей вышеуказанных народов, так и их культурного, исторического наследия [18].

Так, в рамках реализации планов по уничтожению евреев, которые в будущем, благодаря лауреату Нобелевской премии мира Э. Везелю, получат наименование «Холокоста», было истреблено около 6 миллионов представителей еврейского народа. В послевоенное время планировалось тотальное уничтожение евреев, согласно плану, принятого на Ванзейской конференции 20 января 1942 года [20].

Помимо этого, в рамках реализации планов «Барбаросса», «Ост» и др. славянскому населению государств Восточной Европы был нанесен колоссальный урон. Из числа советских военнопленных было уничтожено около 3 миллионов человек [20]. Со стороны мирного населения СССР было уничтожено около 7,5 миллионов человек. Из-за созданных нацистами нечеловеческих условий жизни, население оккупированных территорий СССР сократилось примерно на 4,1 миллиона человек [20]. На территории Польши были уничтожены около 3 миллионов мирных граждан [21]. На послевоенное время, согласно планам Третьего Рейха, славяне, живущие в странах Восточной Европы и европейской части СССР, должны были подвергнуться частично германизации, а частично депортации за Урал или уничтожению. Лишь небольшой процент славянского населения планировали оставить для использования в качестве рабов будущих немецких колонистов [20].

Не менее печальная судьба постигла и представителей цыганского народа. Так в период с 1939 по 1945 год было уничтожено от 250 до 500 тысяч цыган. В Польше две трети цыган было уничтожено за время немецкой оккупации [21].

Таким образом, из приведенных данных мы увидели, что действительно происходило распространение негативных последствий совершаемых деяний на общество в целом и большинство отдельных членов общества. Более того, до сегодняшнего дня, из приведенных выше примеров, общество в целом и большинство отдельных членов общества не смогло полностью соизмерить и восполнить негативные последствия совершенных деяний.

3. Явная социально-психологическая и иная непереносимость обществом запрещенных деяний, причиняемого вреда или его опасности, отраженная в достигнутом политическом или ином консенсусе о необходимости уголовного наказания.

Не смотря на тот факт, что достижение политического, правового консенсуса, в котором отражена явная непереносимость цивилизованного человечества запрещенных деяний, причиняемого вреда, его опасности, произошло в 1946–1951 году с момента начала разработки, последующего принятия и вступления в силу Конвенция ООН 1948 года, следует отметить, что сам процесс этот был довольно трудным и не одномоментным.

С начала разработки Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (далее по тексту – Устав Нюрнбергского военного трибунала) в самом тексте устава, согласно исследованиям, неоднократно использовалось понятие геноцида. Однако в окончательной редакции разработчики Устава Нюрнбергского военного трибунала пришли к выводу о необходимости использования другого родственного термина – преступления против человечности [22]. Такое решение было принято для того, чтобы иметь возможность охватить преследование и физическое истребление национальных, этнических, расовых и религиозных меньшинств. Помимо этого, следует заметить, что при работе трибунала в тексте некоторых обвинительных заключений использовали термин геноцид. Более того прокуроры, осуществляющие обвинение в своих речах, также неоднократно использовали этот термин. Вместе с тем, отметим, что в итоговом приговоре Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 01 октября 1946 года (далее по тексту – приговор Нюрнбергского военного трибунала) термин геноцид не используется [23].

Последствия того факта, что геноцид, по мнению некоторых государств, остался безнаказанным вылились в то, что на первой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее по тексту – Генеральной Ассамблеи ООН), которая проходила в конце 1946 года, Республика Индия, Республика Куба и Республика Панама представили проект резолюции, согласно которой: а) геноцид признавался преступлением, которое может совершаться как в мирное, так и военное время; б) геноцид находится под универсальной юрисдикцией [23].

Впоследствии Генеральная Ассамблея ООН в Резолюции от 11 декабря 1946 года № 96 (I) указала что: «Геноцид означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп ... Такой отказ в признании права на существование оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества ... противоречит нравственному закону, духу и целям Организации Объединенных Наций ... Геноцид с точки зрения международного права является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром, и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию независимо от того, являются они частными лицами, государственными должностными лицами или государственными деятелями, и не зависимо от того, совершено ли преступление по религиозным, расовым, политическим или каким-либо другим мотивам». Помимо этого, Генеральная Ассамблея ООН поручала Экономическому и Социальному совету разработать проект конвенции о преступлении геноцида.

После разработки текста Конвенции к 1948 году и его окончательного согласования, в процессе переговоров в рамках Шестого комитета Генеральной Ассамблеи ООН текст был вынесен на утверждение Генеральной Ассамблеи ООН, которая 09 декабря 1948 года приняла Конвенцию ООН 1948 года. После завершения процесса получения необходимых 20-ти ратификационных грамот (требование статьи XIII) Конвенция ООН 1948 года вступила в силу 12 января 1951 года.

Таким образом, если социально-психологическая и иная непереносимость обществом запрещенных деяний, причиняемого вреда или его опасности была изначально отражена в достигнутом политическом консенсусе на международном уровне в 1946 году, то правовой консенсус был достигнут только с момента принятия и вступления в силу Конвенции ООН 1948 года.

4. Доказанная непригодность иных правовых запретов для устранения возникшей опасности, возмещения причиненного и предупреждения потенциального вреда.

Выполнение указанного требования мы можем увидеть из результатов работы как вышеуказанного Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, так и реакции некоторых членов Генеральной Ассамблеи ООН, которая вылилась изначально в проект резолюции от 11 декабря 1946 года, а после

и в принятую Конвенцию ООН 1948 года. Более того, на это указывают также исследования ученых: профессора Р. Лемкина [24], профессора В. Пеллы [25] профессора А.Н. Трайнина [26] и других.

Как мы уже отмечали выше, не смотря на тот факт, что при разработке Устава Нюрнбергского военного трибунала использовался термин геноцид, в окончательной редакции Устава Нюрнбергского военного трибунала от него было принято решение отказаться. Более того участники процесса также часто обращались к этому термину как в своих речах, так и при составлении процессуальных документов, например, обвинительного заключения. Но вместе с этим в приговоре Нюрнбергского военного трибунала термин геноцид также не использовался. Некоторые ученые отмечают, что это было сделано, прежде всего, по той причине, что «в силу принципа *nullum crimen sine lege* невозможно было в рамках Нюрнбергского процесса распространить юрисдикцию трибунала и осудить виновных за совершение геноцида – преступления, не запрещенного тогда каким-либо нормативно-правовым актом» [18].

Мировое сообщество столкнулось с тем, что иные правовые запреты оказались непригодными для урегулирования соответствующих правоотношений. Действия, имеющие признаки геноцида, по мнению некоторых государств-участников ООН, оставшиеся безнаказанными, требовалось надлежащим правовым образом оформить, с тем, чтобы придать геноциду статус преступления и не допустить в будущем трагедии, подобно тем, что происходили в истории человечества неоднократно. Для этих целей изначально был составлен проект Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, который был принят на пятьдесят пятом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 11 декабря 1946 года [22]. В Резолюции отмечалось, что «можно указать на многочисленные преступления геноцида, когда полному или частичному уничтожению подверглись расовые, религиозные, политические и прочие группы. Наказание за преступления геноцида является вопросом международного значения». Помимо этого, определялась необходимость составления проекта конвенции по вопросу о преступлениях геноцида. Позднее был составлен и принят проект конвенции, которая вступила в силу 12 января 1948 года, после соблюдения установленных в статье XIII процедур.

Таким образом, к моменту криминализации геноцида человеческим сообще-

ством объективно и доказано ощущалась непригодность иных правовых запретов для устранения возникшей опасности, возмещения причиненного и предупреждения потенциального вреда от преступлений геноцида.

5. Субъектно-субъективное противопоставление деяния существующим социальным запретам при наличии иного выбора.

Увидеть, как субъект при наличии собственной воли, выраженной вопреки противопоставляет свое поведение, в котором можно увидеть признаки геноцида, существующим социальным запретам при наличии иного выбора, можно из результатов Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси.

Так, в описательно мотивировочной части приговора Нюрнбергского военного трибунала в отношении Эрнста Кальтенбруннера отмечено, что Кальтенбруннер являясь начальником полиции безопасности и службы безопасности (далее по тексту – СД) и главой главного имперского управления безопасности (далее по тексту – РСХА) (руководящий состав обоих указанных организаций, как и сами организации приговором Нюрнбергского военного трибунала признаны преступными) обладая широким кругом полномочий «имел право отдавать приказы о превентивном заключении в концентрационные лагеря и об освобождении из них. ... Он, несомненно, посещал Маутхаузен, и свидетели показали, что он видел, как убивали заключенных, применяя различные способы казни: повешение, расстрел в затылок, умерщвление газом, что являлось частью демонстрировавшихся перед ним экзекуций» [27].

Помимо этого, РСХА под руководством Кальтенбруннера «играло руководящую роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса путем истребления евреев. ... По его указаниям было убито, приблизительно, 6 миллионов евреев, из которых 2 миллиона были убиты эйнзатцгруппами и другими частями полиции безопасности. Кальтенбруннер информировал о деятельности этих эйнзатцгрупп, когда он был высшим руководителем СС и полиции; они продолжали свою деятельность и тогда, когда он стал начальником РСХА...» [27].

Не смотря на тот факт, что в свою защиту Кальтенбруннер заявлял, что «преступная программа была введена в действие до того, как он приступил к своим обязанностям, и что он редко знал о том, что происходило, и что, когда он узнавал

об этих фактах, он делал все возможное для того, чтобы предотвратить их совершение», трибунал отметил, что Кальтенбруннер «... осуществлял контроль над деятельностью РСХА; он знал о преступлениях, которые оно совершало, и он был активным участником многих из них» [27].

Помимо Кальтенбруннера увидеть, как субъект при наличии собственной воли, выраженной вовне противопоставляет свое поведение, в котором можно увидеть признаки геноцида, существующим социальным запретам при наличии иного выбора, можно из действий, других осужденных трибуналом (Мартин Борман и другие) [27].

Исходя из вышесказанного, мы видим, как приведенные в пример «субъекты» при наличии собственной воли, выраженной вовне противопоставляют свое поведение, в котором можно увидеть признаки геноцида, существующим социальным запретам при наличии иного выбора.

Таким образом, отметим, что геноцид как уголовно-правовое явление общественной жизни появилось сравнительно недавно (чуть более 70 лет назад), после криминализации геноцида в 1948–1951 году. Однако, как мы увидели из историко-правовой материи, деяния имеющие признаки геноцида сопровождали человечество на протяжении всей истории его существования, о чем нам говорят различные письменные источники. Уже с «момента образования мира» в религиоз-

ных источниках мы можем отыскать примеры того, как уничтожались национальные, этнические, расовые, религиозные группы людей по различным причинам. Если криминализация иных преступлений, как например, убийство, разбой и др. происходила с древнейших времен, то геноцид был криминализован, как мы говорили выше, только в прошлом веке и на то были определенные причины. Ведь для криминализации любого деяния, безусловно нужно основание, и такое основание, справедливо принятое в доктрине многими учеными-юристами, убеждение которых мы разделяем, может быть только одно – общественная опасность. О наличии объективно-существующей общественной опасности деяния и соответственно необходимости криминализации деяния может говорить наличие в совокупности определенных требований.

В заключении добавим, что на основе проведенного историко-правового анализа осознания общественной опасности геноцида необходимо указать, что криминализация геноцида была научно обоснованной, т.к. к моменту криминализации в 1948–1951 году, все необходимые требования имелись в совокупности и были достаточны для признания геноцида преступлением, которое подлежит уголовному запрету на основании наличия объективно-существующей общественной опасности.

Литература

1. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П.С. Дагель, Г.А. Злобин, С.Г. Келина, Г.Л. Кригер и др. под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. – М.: Наука, 1982. – С. 17, 11, 205.
2. Радощнова Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – С. 15. – URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/19-11-2015-2r.pdf> (дата обращения: 13.03.2018).
3. Жеребцов А.Н. Дифференциация административной ответственности: понятие, критерии, значение / А.Н. Жеребцов, А.Н. Вертинская // Современное право. – 2018. – № 9. – С. 26–17. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
4. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: Монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
5. Авдалян М.Э. Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: Дис. канд. юрид. наук. – М., 2016. С. 39, 42. – URL: https://msal.ru/common/upload/Dissertatsiya_Avdalyan_M.E_.pdf (дата обращения: 14.03.2018).
6. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск, 1981. – С. 62–63.
7. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 17–20.
8. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм / Науч. ред. М.И. Ковалев. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство. 1983. – С. 58.
9. Криминология. Общая часть: Учебник / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск: ООО «ДиВо», 2007. – С. 214–228. – URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2013/09/Прокументов-Л.М.-Шеслер-А.В.-Криминология.pdf> (дата обращения: 13.02.2018).

10. Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы 6-й международной научно-практической конференции (29–30 января 2009 года). – М.: Проспект, 2009. – С. 48–52.
11. Курс уголовного права: Учение о преступлении. Общая часть: Учебник. Т. 1 / Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров, Н.Е. Крылова, Н.Ф. Кузнецова и др.; Под ред.: Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 1999. – С. 129.
12. Декларация прав человека и гражданина (принята депутатами Генеральных штатов 24 августа 1789 года). – URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> (дата обращения: 14.03.2018).
13. Кибальник А.Г. О геноциде армянского населения в Первую Мировую войну / А.Г. Кибальник, А.С. Мартиросян // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 131–137.
14. Конопатченков, А.В. Советские узники в фашистской системе концлагерей Маутхаузен // Власть. – 2009. – № 5. – 117–119.
15. Мламян Н.М. Геноцид как преступление против человечества // Российский следователь. – 2016. – № 17. – С. 31–35.
16. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. – P. 79.
17. Вртанесян К. Геноцид армян в Турции: краткий исторический обзор. – URL: www.genocide.ru/review.htm (дата обращения: 15.03.2018).
18. Москалев Г.Л. Уголовная ответственность за геноцид (статья 357 УК РФ): Монография / Г.Л. Москалев. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – С. 14, 24.
19. Айвазян А. Стратегические последствия геноцида армян – URL: www.genocide.ru/lib/ayvazyan/consequences.htm (дата обращения: 15.03.2018).
20. Аванесян В.В. Нюрнбергский трибунал и геноцид // Общество и право. 2011. № 3. – С. 17–21.
21. Wistrich R. Hitler and the Holocaust. New York: Modernlibrary. 2003. – P. 3.
22. Абашидзе А.Х. Первые акты ООН о предупреждении преступлении геноцида и наказании за него / А.Х. Абашидзе, Т.Г. Дадуани // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 1. – С. 226.
23. Дадуани Т.Г. Сравнительный анализ положений Резолюции ГА ООН 96 (I) и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2011. – № 4. – С. 140.
24. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. – 674 p.
25. Pella V. Le Code des Crimes contre la paix et la securite de l'humanite – Geneve, 1957.
26. Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон / А.Н. Трайнин. под общ. ред.: Р.А. Руденко. – М.: Наука, 1969. – 454 с.
27. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 2 т. Т. 2 / сост. Г.Н. Александров, Д.С. Карев, М.Ю. Рагинский; под ред. К.П. Горшенина. 3-е изд., испр. – М.: Госюриздат, 1955. – URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml> (дата обращения: 17.03.2018).
28. Кочои С.М. «Исламское государство»: от терроризма к геноциду / С.М. Кочои // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 61–72.
29. Кочои С.М. Геноцид: понятие, ответственность, практика / С.М. Кочои // Уголовное право. 2001. № 2. С. 95–97.

References

1. Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya [The grounds of the criminal law prohibition. Criminalization and decriminalization] / P.S. Dageľ, G.A. Zlobin, S.G. Kelina, G.L. Kriger i dr. pod red. V.N. Kudryavceva, A.M. Yakovleva. – M.: Nauka [Science], 1982. – P. 17, 11, 205. (in Russ.).
2. Radoshnova N.V. Kriminalizaciya (dekriminalizaciya) v ugovolnom prave Rossii [Criminalization (decriminalization) in the criminal law of Russia]: Avtoref. dis. kand. yurid. Nauk [Thesis abstract for the degree in judicial sciences]. – Saratov, 2015. – P. 15. – Available at: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/19-11-2015-2r.pdf> (in Russ.).
3. Zherebcov A.N. Differenciaciya administrativnoj otvetstvennosti: ponyatie, kriterii, znachenie [Differentiation of administrative responsibility: concept, criteria, value] / A.N. Zherebcov, A.N. Vertinskaya // Sovremennoe pravo [Modern Law]. – 2018. – № 9. – P. 26–17. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». (in Russ.).
4. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya kak formy preobrazovaniya ugo-lovnogo zakonodatel'stva: Monografiya [Criminalization and decriminalization as a form of transformation of criminal law: Monograph] / I.S. Vlasov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina i dr.; otv. red. V.P. Kashepov. – M.: KONTRAKT, 2018. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». (in Russ.).

5. Avdalyan M.E. Osnovanie kriminalizacii i kriminoobrazuyushchie priznaki narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnyh sredstv [The basis of criminalization and criminogenous signs of violation of the rules of the road and the operation of vehicles]: Dis. kand. yurid. Nauk [Thesis for the degree in judicial sciences]. – M., 2016. P. 39, 42. – Available at: https://msal.ru/common/upload/Dissertatsiya_Avdalyan_M.E..pdf (in Russ.).
6. Filimonov V.D. Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava [Criminological foundations of criminal law]. – Tomsk, 1981. – P. 62–63. (in Russ.).
7. Antonov A.D. Teoreticheskie osnovy kriminalizacii i dekriminalizacii [The theoretical foundations of criminalization and decriminalization]. Diss. ... kand. yurid. Nauk [Thesis for the degree in judicial sciences]. – M., 2001. – P. 17–20. (in Russ.).
8. Tobolkin P.S. Social'naya obuslovlennost' ugolovno-pravovyh norm [Social conditionality of criminal law norms] / Nauch. red. [Scientific. ed.] M.I. Kovalev. – Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo [Central Ural Book Publishing House]. 1983. – P. 58. (in Russ.).
9. Kriminologiya. Obshchaya chast': Uchebnik [Criminology. General part: Textbook] / L.M. Prozumentov, A.V. SHebler. – Tomsk: DiVo, 2007. – P. 214–228. – Available at: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2013/09/Prozumentov-L.M.-SHebler-A.V.-Kriminologiya.pdf> (in Russ.).
10. Zhalinskij A.E. Ocenka obshchestvennoj opasnosti deyaniya v processe ugolovnogo pravotvorchestva [Assessment of the social danger of an act in the process of criminal law-making] // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: Materialy 6-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (29–30 yan-varya 2009 goda) [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference (January 29–30, 2009)]. – M.: Prospekt, 2009. – P. 48–52. (in Russ.).
11. Kurs ugolovnogo prava: Uchenie o prestuplenii. Obshchaya chast': Ucheb-nik [Criminal Law Course: The Doctrine of the Crime. General part: Textbook]. T. 1 / G.N. Borzenkov, V.S. Komissarov, N.E. Krylova, N.F. Kuznecova i dr.; Pod red.: N.F. Kuznecovoj, I.M. Tyazhkovoj. – M.: Zercalo, 1999. – P. 129. (in Russ.).
12. Deklaraciya prav cheloveka i grazhdanina (prinyata deputatami Gene-ral'nyh shtatov 24 avgusta 1789 goda) [The Declaration of Human and Citizen Rights (adopted by the deputies of the General States on August 24, 1789)]. – Available at: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> (in Russ.).
13. Kibal'nik A.G. O genocide armyanskogo naseleniya v Pervuyu Mirovuyu vojnu [On the genocide of the Armenian population in the First World War] / A.G. Kibal'nik, A.S. Martirosyan // Obshchestvo i pravo [Society and Law]. – 2011. – № 5. – P. 131–137. (in Russ.).
14. Konopatchenkov, A.V. Sovetskie uzniki v fashistskoj sisteme konclagerej Mauthausen [Soviet prisoners in the fascist system of concentration camps Mauthausen] // Vlast' [Authority]. – 2009. – № 5. – P. 117–119. (in Russ.).
15. Mlanyan N.M. Genocid kak prestuplenie protiv chelovechestva [Genocide as a crime against humanity] // Rossijskij sledovatel' [Russian investigator]. – 2016. – № 17. – P. 31–35. (in Russ.).
16. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. – P. 79.
17. Vrtanesyan K. Genocid armyan v Turcii: kratkij istoricheskij obzor [The Armenian Genocide in Turkey: a brief historical review]. – Available at: www.genocide.ru/review.htm (in Russ.).
18. Moskalev G.L. Ugolovnaya otvetstvennost' za genocid (stat'ya 357 UK RF): Monografiya [Criminal liability for genocide (Article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation): Monograph] / G.L. Moskalev. – Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t [Siberian Federal University], 2017. – P. 14, 24. (in Russ.).
19. Ajvazyan A. Strategicheskie posledstviya genocida armyan [Strategic consequences of the Armenian Genocide] Available at: www.genocide.ru/lib/ayvazyan/consequences.htm (in Russ.).
20. Avanesyan V.V. Nyurnbergs-kij tribunal i genocid [Nuremberg Tribunal and Genocide] // Obshchestvo i pravo [Society and Law]. 2011. № 3. – P. 17–21. (in Russ.).
21. Wistrich R. Hitler and the Holocaust. New York: Modernlibrary. 2003. – P. 3.
22. Abashidze A.H. Pervye akty OON o preduprezhdenii prestuplenii genocida i nakazanii za nego [First UN Acts on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide] / A.H. Abashidze, T.G. Daduani // Biblioteka kriminalista [Cryminologist library]. – 2012. – № 1. – P. 226. (in Russ.).
23. Daduani T.G. Sravnitel'nyj analiz polozhenij Rezolyucii GA OON 96 (I) i Konvencii o preduprezhdenii prestupleniya genocida i nakazanii za nego [Comparative analysis of the provisions of UNGA Resolution 96 (I) and the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Jurisprudence.]. – 2011. – № 4. – P. 140. (in Russ.).
24. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. – 674 p.

25. Pella V. Le Code des Crimes contre la paix et la securite de l'humanite – Geneve, 1957.
26. Trajnin A.N. Izbrannye proizvedeniya. Zashchita mira i ugovolnyj zakon [Selected works. Peace protection and criminal law] / A.N. Trajnin. pod obshch. red.: R.A. Rudenko. – M.: Nauka [Science], 1969. – 454 p.(in Russ.).
27. Nyurnbergskij process: Sbornik materialov v 2 t. T. 2 [The Nuremberg trials: a collection of materials in 2 vol. T. 2] / sost. G.N. Aleksandrov, D.S. Karev, M.YU. Raginskij; pod red. K.P. Gorshenina. 3-e izd., ispr. – M.: Gosyurizdat [State Law Publishing House], 1955. – Available at:<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml> (in Russ.).
28. Kochoi S.M. «Islamskoe gosudarstvo»: ot terrorizma k genocide[«Islamic State»: from terrorism to genocide] / S.M. Kochoi // Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]. 2014. № 12. P. 61–72.(in Russ.).
29. Kochoi S.M. Genocid: ponyatie, otvetstvennost', praktika [Genocide: concept, responsibility, practice] / S.M. Kochoi // Ugolovnoe pravo [Criminal Law]. 2001. № 2. P. 95–97.(in Russ.).

КОШКИН Никита Сергеевич, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Института права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный университет». 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных 129. E-mail: nik19932@bk.ru

KOSHKIN Nikita, postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Law, Chelyabinsk State University. Bld. 129, Kashirin brothers Str., Chelyabinsk, 454001. E-mail: nik19932@bk.ru

